

Алиия Подгайская

ПОД ЗНАМЕНОМ БЕЛОГО ВОЛКА

Замок Тезак-Каст

Книга 3

Прошло ещё семнадцать лет. Генрих Лорэл, так похожий на своего отца, возмужал и рвался в сражения. Он успел повоевать с французами, когда их дофин Людовик пытался захватить английский трон, а потом отправился на континент, чтобы поклониться могиле отца. Здесь он встретил свою любовь, обрёл дочь и нашёл смерть по воле давнего соперника короля Ричарда Филиппа Французского. Наследницей замка Лейк-Касл осталась малышка Николь.

Лилия Подгайская

ПОД ЗНАМЕНОМ БЕЛОГО ВОЛКА

Глава 1

*Англия, Замок Лейк-Касл
Весна 1211 года*

Небо над Приграничьем было в этот день каким-то особенным — ярким, удивительно голубым и бездонным. Или это только так казалось, потому что впереди предстоял небывало важный день? Завтра, уже завтра он отправится в путь, а послезавтра как раз и произойдёт это самое важное в его жизни событие.

Юный Генрих Лорэл, внук славного рыцаря Кевина Лорэла, барона Лейк-Касла и родной племянник его наследника сэра Ричарда Лорэла просто не мог в этот день усидеть в замке. Тайком от матери он вырвался за ворота вместе со своим верным дружкой Майклом Льюисом, всегда сопровождавшим молодого хозяина во всех вылазках за пределы владения деда и поддерживавшим во всех выходках. И уж если приходилось нести наказание за нарушение правил и самовольство, так свойственное Генриху, они

делили его на двоих и стойко выдерживали, обмениваясь заговорщицкими взглядами.

Сегодня же Генриху не хотелось думать ни о чём, кроме грядущих событий, и уж, конечно, никак не о возможном наказании. Впрочем, дед не станет его наказывать нынче. В этом мальчик был уверен. Ведь недавно, в конце зимы ему исполнилось шестнадцать лет, а сейчас, уже совсем скоро, предстоит стать настоящим, опоясанным рыцарем, с мечом и шпорами. Ну, как, как можно усидеть на месте в ожидании таких важных событий!?

Перед глазами двух друзей был знакомый до каждой мелочи пейзаж. Вот широкая долина, уходящая как бы горлышком кувшина на север — там, за холмом, граница с Шотландией. Генрих знал, что здесь, на этом участке границы всем заправляет твёрдой рукой сильный вождь Алекс Макдоналд, опытный и могучий воин. С этим кланом у его семьи всегда были дружественные добрососедские отношения. Кажется, они даже как-то связаны родственными узами, но подробностей мальчик не знал. А дальше на восток, в двух днях пути от них владел приграничными землями клан Кэмпбеллов, родственников его матери. О них ему рассказывала бабушка Элис. Все они, говорила она, высокие, могучие синеглазые воины. И хотя Коннор Кэмпбелл, вождь клана, уже в возрасте, он не потерял своей силы. А его

младший брат Дугал Кэмпбелл могуч как столетний дуб. Это родные братья бабушки Элис. Она тоже синеглазая и до сих пор красивая, несмотря на возраст. Дедушка Кевин часто шутит, что она, наверное, знает какое-то хитрый шотландский секрет, позволяющий не стариться с годами. Где-то там, на востоке находится и замок Давтон, где живут де Моррены, тоже связанные дружбой с семейством Лорэлов. Но в тех краях Генрих ни разу не был, и никого из де Морренов не видел.

А если смотреть на юго-запад, то видна дорога, вьющаяся среди холмов. Она ведёт во владения графа Хьюберта. Там живёт леди Алисия, сестра дедушки Кевина. Она уже старенькая, но вполне активна и помнит очень много интересных историй из старых времён. В замке Уинстон Генрих был не раз и очень любил слушать истории бабушки Алисии. Туда ему предстоит путь и завтра. Именно сын леди Алисии, граф Лоренс Хьюберт, теперешний владелец поместья, будет посвящать его в рыцари. Ему дано такое право как потомственному графу.

А ещё дальше на запад вдоль границы с Шотландией, в краю гор, стоит замок Денвент-Касл, поднимая свои стены над большим озером Денвентуотер. Там правит всем сэр Патрик Эллиот, тоже связанный какими-то узами с семьёй Лорэлов. Но об этом Генриху и вовсе ничего не

известно, и в тех краях он никогда не был. Но был твёрдо убеждён, что озера красивее того, что лежит под стенами их замка, нет и не может быть на свете. К нему сейчас мальчики и направились.

Спешившись у высокой каменистой гряды и привязав лошадей на зелёной полянке, друзья поднялись на высокий уступ над озером. Какая же здесь красота! Само озеро лежит у их ног — сказочно красивое удивительно синее озеро, не допускающее к своим берегам никого, только птицам дано летать над ним и сидеть стаями на его каменистых берегах. А над озером гордо возвышается замок Лейк-Касл. Отсюда он смотрится особенно величественно и выглядит неприступным. Впрочем, он и на самом деле неприступен. Дедушка рассказывал, что за всё время существования замка, а это почти что три века, он ни разу не был в руках неприятеля, хотя осаждали его многократно. Сердце Генриха переполнилось гордостью за своих предков и за свой замок. Он с трепетом в душе смотрел на развевающийся над башней замка стяг с изображением головы белого волка, и воображение рисовало ему множество заманчиво прекрасных картин битв и побед под этим знаменем. Белый Волк! Белый Волк!!!

По-видимому, он сказал эти слова вслух, потому что друг повернулся к нему и спросил удивлённо:

— О чём ты, Генри? Какой волк? Где?

— Я о стяге нашем, Майкл, — смущённо улыбнулся Генрих, — у меня аж дух захватывает, когда я смотрю на него и думаю о своих воинственных предках. Мой дед стал хозяином замка в девять лет, а в тринадцать собственной рукой поразил насмерть убийцу своего отца. Представляешь? А потом сам король посвятил его в рыцарское звание! Здорово, да? Мне тоже очень хочется стать прославленным рыцарем, побеждать врагов под этим знаменем с головой белого волка.

— До рыцарских шпор уже недалеко, Генри, — утешил друга Майкл, — завтра поедem в Уинстон. Пусть не король, но граф Хьюберт, личность тоже хорошо известная здесь, на севере, опояшет тебя рыцарским мечом. Чем плохо? А от нашего короля Джона лучше быть подальше, так все говорят.

— Да, всё ты говоришь правильно, мой верный друг, — Генрих задумчиво смотрел на башню со стягом. — Уже послезавтра я буду опоясанным рыцарем, и это огромная радость для меня. Жаль, что отец мой этого не увидит. И очень жаль, что я совсем ничего о нём не знаю. Так хочется гордиться своим отцом!

Мальчики ещё долго сидели на тёплом камне над озером, рассуждая о завтрашней поездке и обо всём, что должно за этим последовать. Потом спохватились, увидев, что солнце уже давно миновало точку зенита. Их, наверное, обыскали в замке. Вот теперь точно достанется и от деда, и от матери. Друзья быстро спустились с каменистой гряды, отвязали своих скакунов и галопом устремились к замку.

Когда мальчики подлетели к воротам, Генрих поднял голову и увидел, что дежуривший над ними Доналд подаёт ему знаки. Сигналы были вполне узнаваемы и означали, что дед разыскивает его. Мальчик кивнул воину в знак понимания и благодарности и устремился во двор. Легко соскочив с коня, бросил поводья Майклу и стрелой взлетел по ступеням донжона. Ворвавшись в большой зал, он увидел барона Кевина спокойно сидящим у очага и беседующим со старым Эвансом Льюисом, командиром гарнизона замка и дедом дружка Майкла. Они обсуждали что-то важное, склонив головы друг к другу.

— Ты искал меня, де? — голос Генриха был не слишком уверенным и слегка подрагивал после быстрой скачки. Волосы его растрепались, лицо покраснелось.

Барон поднял голову, окинул внука внимательным взглядом и удовлетворённо

улыбнулся. Мальчик был очень хорош — высокий, уже сейчас ростом не менее шести футов и четырёх дюймов, он был выше всех в замке, хотя здесь собрались воины достаточно крепкие и рослые. Плечи широкие, узкие бёдра, гибкое, подвижное тело, и чувствуется сила в руках. А то, что мальчик отлично владеет мечом и копьём и лучше всех в замке стреляет из лука, он знал доподлинно. Да, замечательного воина подарила Лейк-Каслу его дочь. И если его отец был таким же красивым когда-то, становится вполне понятным нежелание Нады принять после него в свою жизнь другого мужчину.

Мальчик молча стоял перед дедом, удивлённо на него поглядывая, а тот рассматривал его так, как будто увидел впервые. Смотрел на красивое лицо с большими сине-голубыми глазами, прямым носом и упрямым подбородком, густые блестящие золотистые волосы, красивыми волнами падающие на плечи, гордую посадку головы и истинно королевскую осанку. Да, кровь не спрячешь. В этом Нада права.

— Да, мой мальчик, — сказал, наконец, барон удивлённому внуку, — я искал тебя. Мы с твоей матерью хотели с тобой поговорить. Где ты был?

— Я ездил на берег озера, де, — отозвался Генрих, предпочитавший всегда отвечать правдиво на заданные вопросы или не отвечать вовсе. — С

Майклом. Я долго любовался озером и замком. И думал о прошлых поколениях рыцарей, которые жили здесь и защищали свои владения от врагов. Я знаю, что никогда не наследую этих земель и этого замка, но вид знамени с белым волком очень дорог мне. И я хотел просить тебя, дедушка, позволить мне после получения рыцарского звания взять герб Лорэлов и их девиз. Я не знаю своего отца и при любых обстоятельствах не имею права на его герб. А белый волк мне очень близок. Я родился и вырос под этим стягом, я горжусь им и хочу идти под ним на битвы, которые мне предстоят. Белый Волк! Это и мой стяг тоже, правда? Ведь я Лорэл, дедушка.

Глаза барона увлажнились, и он на мгновение отвернулся от внука, чтобы тот не увидел его слёз. Милый мальчик, он просит его об одолжении, не зная, что имеет право на куда большее.

— Конечно, Генри, ты имеешь полное право и на мой герб, и на мой девиз, если захочешь их взять. Ты мой родной внук. Но об этом мы поговорим позднее. Сейчас приведи себя в порядок, поешь, и мы встретимся опять — втроём. Твоя мать хочет поговорить с тобой накануне важного события, тебя ожидающего, и просила меня присутствовать тоже. Через часок и встретимся.

Генрих ушёл к себе, но на душе у него было как-то тревожно. Почему дед выглядит таким взволнованным, и даже не ругал его за

самовольство? Что такого важного хочет сказать ему мать?

Барон вернулся к разговору со своим командиром гарнизона, но мысли его были далеко. Он задумчиво смотрел вслед внуку, шагающему к лестнице на верхние этажи башни, и думал о том, что скажет мальчик после того, как узнает от матери правду о своём рождении. Будет ли по-прежнему гордиться стягом, под которым вырос, или захочет добиваться другого герба и иного девиза? Он вправе сам выбирать свой дальнейший путь и свои знаки отличия. Ещё один рыцарь Лорэл, в жилах которого течёт, однако, королевская кровь. Как-то мальчик отреагирует на такую новость?

Старый верный Эванс, который был рядом с бароном Кевином столько, сколько тот себя помнил, правильно понял перемену настроения хозяина. Ещё бы! Такое волнующее событие предстоит. Не до него теперь.

— Я, пожалуй, пойду, милорд, — сказал, спокойно взглянув в зелёные глаза барона, — вам готовиться надо к завтрашней поездке. Вы поезжайте спокойно. А я своё дело знаю, не в первый раз. Справимся. Да и тихо сейчас в округе. Но я парням расслабляться не дам, это я вам обещаю.

— Я всегда полагался на тебя, как на себя самого, Эванс, — барон улыбнулся, но глаза

оставались тревожными. — Не это меня волнует. Все мои мысли сейчас о внуке.

Льюис ответно улыбнулся лорду. Как не понять? Он и сам о судьбе Майкла беспокоится и очень надеется на то, что его будущее будет связано с судьбой молодого Лорэла. Тому предстоит своё место в жизни искать, как и младшему из сыновей лорда, Брэду Лорэлу. Он, говорят, хорошее владение получил где-то там, на юге, на континенте. Такова жизнь.

Командир гарнизона, заметно ссутулившийся за последние годы, ушёл. А барон остался у очага, размышляя о будущем разговоре с внуком. Стыдно признаться, но он волновался и ничего не мог с этим поделать.

А наверху, в своей комнате с окном на синее озеро, занятой ею после смерти бабушки, так же волновалась и не находила себе места Нада. Ей предстояло объясниться, наконец, с сыном. Она не считала себя вправе скрывать от него правду. Мальчик вырос и должен всё узнать от неё. Он выходит во взрослую жизнь и имеет право сам решать, каким путём идти. Она сделала всё, что смогла, чтобы вырастить сына сильным и способным пробить себе дорогу в жизни. Птенец оперился и вот-вот расправит крылья. Как же он похож на отца! И такой же смелый, весь устремлённый вперёд, неугомный и

непоседливый. Вот и сегодня унёсся куда-то с утра с дружкой своим. А она ждёт, места себе не находит.

Большой разговор, которого с таким волнением ожидали все трое, состоялся не в главном зале, как предполагал Генрих, а в комнате у матери. Комната на верхнем этаже донжона была не слишком велика и, пожалуй, мало подходила для важного разговора. Но она имела одно большое преимущество — была достаточно удалена от других помещений замка, и здесь можно было говорить без опасения быть услышанными посторонними ушами. Что за тайны кроются за этим? Генрих невольно почувствовал дрожь глубокого волнения в своём теле. Дед, пришедший вместе с ним, был непривычно тих. Мать, женщина в самом расцвете красоты, всегда спокойная и рассудительная, была на удивление бледна и казалась даже немного растерянной. Волнение мальчика стало ещё сильнее.

— Садись сюда, на скамеечку, сынок, — позвала она Генриха. — А ты, папа, устраивайся в кресле, здесь тебе будет удобно. Мне же не сидится что-то.

Нада, и правда, не могла усидеть на месте и принялась расхаживать по небольшой комнате — десять шагов в одну сторону, десять в другую.

— То, что я скажу тебе сейчас, Генри, очень важно, — начала она, не глядя на сына. — Это может изменить всю твою жизнь. Но я не намерена больше скрывать от тебя правду твоего рождения.

Женщина замолчала, собираясь с силами. Сын следил за ней тревожным взглядом. Он весь напрягся в ожидании раскрытия тайны, так тяготившей его в последнее время.

— Эту тайну знают только четыре человека, и все четверо свято хранили её все эти годы. И будут хранить дальше. Кроме меня в курсе дела твой дедушка и твой дядюшка Брэд, который живёт сейчас на континенте. И ещё твоя тётка, леди Дебора Стэнтон, но она уберегла нашу тайну ото всех, даже от любимого мужа.

Мать снова замолчала, нервно сжимая руки и продолжая вышагивать по комнате. Волнение мальчика достигло предела.

— Что, мама? Что такого страшного в моём рождении, что о нём никто не должен знать? — не выдержал он.

Тут она повернулась к нему, взглянула в лицо сына огромными взволнованными глазами и почти прошептала:

— Страшного ничего, сынок. Но об этом лучше не говорить вслух. Твой отец — вовсе не рыцарь Филипп де Лан. Это мы с дедушкой придумали такого мифического мужчину, чтобы

удовлетворить любопытство окружающих. Ты — сын погибшего двенадцать лет назад короля Англии Ричарда, которого подданные с гордостью называли Ричард Львиное Сердце. Да, сынок, это правда. И я ничуть не жалею о том, что произошло. Я очень любила его, твоего отца. Да и как его было не любить — красавец, храбрец, блестящий рыцарь. Самый блестящий из всех, кто был на земле. И великий монарх, который хорошо заботился о своей стране, хотя практически и не жил здесь. Его мать, твоя бабушка, королева Алиенора следила за тем, чтобы всё здесь было так, как он хотел, и ещё доверенные люди короля, никогда его не подводившие. А он отвоёвывал у французского монарха владения своего отца, твоего деда короля Генриха Плантагенета, которые так бездумно потерял твой дядюшка, нынешний король Иоанн, которого в народе по-прежнему зовут Джоном. Так он и погиб, твой отец, поражённый арбалетной стрелой, засевшей в его плече и отравившей его своим ядом.

Женщина на мгновение замолчала, вновь болезненно переживая давнюю боль, так и не затихшую в её сердце. Генрих потрясённо молчал, глядя на мать широко открытыми глазами. Глазами её любимого Ричарда.

— Я не была с ним, когда это произошло, сынок. Тогда тебе было уже четыре года, и мы

жили здесь, в замке моего отца. Твой дед Кевин принял меня, несмотря на то, что я, по меркам людской морали, согрешила. Ведь я несколько недель жила с королём, зная о том, что у него есть жена. Пусть далеко, пусть нелюбимая, но есть. Я любила его всем сердцем, и никто другой мне не был нужен. А он любил меня так, как мог любить король и неизменно преданный своему рыцарскому долгу мужчина. Для него ничего не было выше рыцарской чести. Он весь был в сражениях. Он был великим полководцем и безоглядно смелым и сильным воином, твой отец. Он был единственным, другого такого нет.

Нада замолчала и, наконец, посмотрела сыну прямо в глаза. Посмотрела требовательным взглядом, желая знать, осуждает он её или, наоборот, гордится ею.

Он гордился и прямо сказал об этом:

— Ты удивительная женщина, мама. Если такой мужчина как король Ричард, которого и сейчас хорошо помнят и почитают в Англии, любил тебя, то ты определённо женщина необыкновенная. Я горжусь тобой. И безмерно горжусь тем, что у меня такой отец. Наконец-то я узнал правду, которая так тревожила меня всё время. Но почему это надо держать в секрете? Почему нельзя говорить об этом вслух?

— Ты ещё слишком молод, мой мальчик, и многого не знаешь, — вступил в разговор барон Кевин, у которого камень с души упал после такой реакции внука, — мы живём теперь под властью короля Джона, человека злобного, злопамятного и слишком сильно любящего власть. Он, не задумываясь, велел убить своего родного племянника Артура, сына его старшего брата Жоффруа Плантагенета, герцога Бретани. Ему было всего шестнадцать, молодому герцогу, графу Ричмонду, когда родной дядя пленил его и велел умертвить.

Барон перевёл дыхание и, покинув удобное кресло, стал расхаживать по комнате, как недавно это делала его дочь. Но речь свою продолжил:

— Мальчик, конечно, был не ангел и претендовал на трон, поскольку твой отец одно время склонялся к тому, чтобы сделать его своим наследником. И пошёл на поводу у французского короля Филиппа, которому были выгодны любые распри в английском королевском доме. Глупый Артур, подстрекаемый французским монархом, позволил втянуть себя в военные действия и совершил большую ошибку. Он осадил крепость Мирабо, где в это время находилась его и твоя бабушка королева Алиенора. Королева-мать не слишком любила своего младшего сына, но из всех сил поддерживала его королевскую власть.

Она совсем не желала отдавать трон в руки бретонской родни и организовала успешную оборону замка. А было ей, заметь, тогда уже под восемьдесят лет. Потрясающая женщина была твоя бабушка, неукротимая Алиенора Аквитанская! Пока старая королева держала оборону замка Мирабо, на помощь к ней подросел сын. Король Джон разбил силы бретонского герцога, а его самого взял в плен. Сперва он заточил его в замке Фалез, давней резиденции нормандских герцогов, и велел надзирававшему за пленником сэру Юберу де Бургу ослепить и оскопить его. Благородный рыцарь послушался короля и не совершил этого страшного преступления. Джон сильно разгневался и велел перевести пленника в Руан под надзор сэра Уильяма де Браозе. Тот оказался, по-видимому, менее щепетильным, и через некоторое время тело принца Артура было выловлено из Сены и тайно похоронено в склепе аббатства Бек. Я ещё могу понять силу стремления к власти. Но безжалостно убить шестнадцатилетнего мальчика, своего родного племянника? Нет, такое не укладывается у меня в голове.

Барон замолчал, продолжая расхаживать по комнате. Тишина повисла над присутствующими. Тишина и ожидание чего-то ещё, не менее важного. Даже Нада не знала всего, что рассказывал сейчас отец. А он продолжал:

— Ещё ты должен знать, мой мальчик, что у тебя был единокровный брат. Такой же бастард, как и ты, но только рождённый тогда, когда Ричард был ещё герцогом Аквитанским, и законно признанный отцом. Его имя было Филипп де Фальконбридж. Отец, как я уже сказал, признал его, и судьбой мальчика занималась королева Алиенора. Когда сын подрос, король Ричард женил его на наследнице богатого владения Коньяк леди Амелии, и молодой Филипп стал сеньором де Коньяк. Он был хорошо воспитан, обладал достойными манерами и благородным сердцем. И очень гордился своим отцом. После гибели Ричарда он сам, своей рукой убил графа Аймара Лиможского, под стенами замка которого ваш отец нашёл свою смерть. Сын отомстил за отца. Филиппу было тогда двадцать четыре года. А пять лет спустя он умер. Никто не может сказать точно, что с ним случилось. Но не от старости ведь скончался двадцатидевятилетний мужчина в расцвете сил. Я очень подозреваю здесь длинную руку нашего короля Джона. Да, Филипп был бастардом и не претендовал на корону. Но всё-таки оставался потенциально опасной личностью. Мало ли что может случиться? И бастард тоже при определённых обстоятельствах может оказаться на троне. За примерами далеко ходить не надо. Тот же Вильгельм, которого прозвали Завоевателем,

король Англии. Джон не мог оставаться спокойным. Тем более, когда у него родился законный наследник. А бастардов он, кстати, сам наплодил великое множество. Ещё, будучи принцем, начал. Но бастарды короля Ричарда для него и его наследника куда страшнее собственных, которых он никогда не признавал и, естественно, не поддерживал.

Барон снова ненадолго замолчал, потом вернулся в кресло и закончил, наконец, свою долгую речь:

— Так что твоя мать поступила очень мудро, мой мальчик. Она скрыла правду ото всех. Даже от твоего отца. Ему не нужно было знать об этом, хотя сейчас он бы тобой, конечно, гордился. Ричард бы, безусловно, признал тебя, но защитить не успел бы. Тебя защитила твоя мать, привезя сюда, под моё крыло. А я всегда любил тебя. И дал тебе вырасти сильным и смелым. И теперь тебе решать, под каким гербом и стягом ты пойдёшь дальше по жизни, Генри, мальчик мой.

Генрих взглянул на деда с удивлением и даже, кажется, с обидой.

— Как под каким стягом, де? — спросил растерянно. — Конечно, под Белым Волком. Я под ним вырос и чту его превыше всего. То, что я сегодня узнал, нисколько не меняет моего решения. Просто теперь у меня добавятся в жизни новые

задачи. Мне предстоит, как я понимаю, найти могилу отца, бабушки Алиеноры и дедушки Генриха, поклониться им и принести обет всегда быть верным памяти предков, пусть я и незаконный их наследник. И отомстить за отца тем врагам, что ещё ходят по земле. А ты, дедушка, должен рассказать мне всё, что знаешь, о семье моего отца и о его врагах. Обещаешь?

— Обещаю, мой мальчик, конечно, обещаю, Генри, — улыбнулся внуку растроганный барон. — Вот съездим в Уинстон, отпразднуем твоё новое положение в жизни, и я всё тебе расскажу, всё, что знаю, и что когда-либо слышал.

Однако утром следующего дня, когда на рассвете слуги начали седлать коней и готовить их в дорогу, оказалось, что барон Кевин не может сесть в седло. Последнее время у него случались такие приступы болей в ногах, что не только верхом ехать, ходить было не в состоянии. Это было всего несколько раз, но выбивало барона из строя не меньше чем на десять дней. Травяные примочки и мазь, какие готовила ему заботливая жена, обычно снимали боли и облегчали состояние. Но сегодня неожиданно начавшийся приступ совершенно выбил мужчину из колеи. Он так хотел быть рядом с внуком в этот важный момент его жизни! Обидно чуть ли не до слёз.

— Не переживай, отец, я сделаю всё как надо, — заверил его сын, — и потом всё расскажу тебе самым подробным образом. Сам виновник событий может от волнения и не упомнить всего. А я справлюсь. Ты же знаешь, как я люблю нашего мальчика.

— Знаю, сынок, — согласился барон. — Но всё-таки ты будь повнимательнее, Ричард.

Сын улыбнулся отцу и двинулся к своему коню. Генрих уже приплясывал от нетерпения рядом со своим скакуном, неподалёку от него сверкал взволнованными глазами Майкл. И всё же мальчик вернулся к донжону и остановился перед дедом.

— Мне очень жаль, что ты не едешь со мной, де, — сказал он и вдруг опустился перед ним на колени. — Тогда благослови меня. Ты ведь меня вырастил, и ты главный человек в моей жизни. Из всех мужчин главный.

Растроганный барон положил обе руки на голову внука и благословил его, а потом поднял и расцеловал. После этого Генрих подошёл к матери и получил её благословение и нежный поцелуй. Нада оставалась в замке с отцом — она не хотела покидать его. Бабушка Элис тоже расцеловала внука и дала своё благословение. Генрих улыбнулся им всем и бегом кинулся к своему коню. В ту же минуту отряд зашевелился, струнулся с места и

покинул замок. С высокого холма Генрих, остановившись на миг, послал привет людям, которых любил, и больше уже не оглядывался назад. Он весь был устремлѐн вперѐд, мчался навстречу событию, которое должно обозначить рубеж между детством и взрослой жизнью. Его детство в Лейк-Касле было счастливым. Какой-то будет его взрослая жизнь?

Дорогу до Уинстона преодолели без неприятных неожиданностей. В замке их уже ожидали. Граф Лоренс Хьюберт решил сделать большой праздник по случаю такого важного события как посвящение в рыцари двух своих племянников. Генриху Лорэлу уже исполнилось шестнадцать, Уильяму Стэнтону до дня рождения остались считанные дни, и оба мальчика уже были готовы надеть рыцарские шпоры.

Приехали гости из Стоун-Бича, Денвент-Касла и Гринхила. Супруги Стэнтон привезли с собой младшего сына и малышку Алисию, которой не было ещё и тринадцати. Но, как и её мать в этом возрасте, она была очень хороша, кокетлива и смело постреливала огромными зелёными глазами на красивых молодых людей, которые здесь собрались. Младший сын леди Деборы, Ричард, уже почти догнал в росте отца и успешно готовился стать рыцарем, но ему нужно было ещё немного

подождать, как и старшему сыну самого графа Джонатану и Ричарду Эллиоту, наследнику сэра Патрика Эллиота из Денвент-Касла.

Сэр Патрик, разумеется, был приглашён на это важное событие и прибыл с племянником Алексом Эллиотом, уже опоясанным рыцарем, двумя сыновьями и приёмной дочерью. Младший сын сэра Патрика, Тим, не напрасно носил имя своего славного деда — он был вылитый его портрет. Самого доблестного рыцаря Тимоти Эллиота уже не было с ними. Он умер в прошлом году, к великому горю своих сыновей. Мэйрин в далёком Перфиди-Форде, горевала, получив это известие с письмом от брата. У них тоже подрастал в семье Тимоти Грей — Фрэнсис с почтением относился к своему тестю. А младшую дочь они назвали Дженет в честь бабушки Эллиот.

Из Гринхила приехал один только Оливер Грэй, самый младший из четырёх сыновей графа Грея. Он уже был при рыцарских шпорах, но пока не имел жены. И его очень интересовала юная Глэдис Бовиль, о которой он слышал весьма лестные отзывы. Девушке было уже шестнадцать лет, и она, и правда, была хороша как утренняя заря. Приёмный отец обожал её и лелеял — своих дочерей у сэра Патрика не было. Но он был счастлив, что любимая жена подарила ему двух прекрасных сыновей, которыми он мог гордиться.

Сэра Алекса Эллиота, красивого светловолосого и черноглазого рыцаря, тоже интересовал вопрос выбора невесты, но он пока не встретил девушки, которая пришлась бы ему по сердцу.

Тут же среди старших крутились и младшие сыновья графа Хьюберта — одиннадцатилетний Рональд и восьмилетний Уильям. Мальчикам не терпелось посмотреть на торжественную процедуру посвящения в рыцари и в особенности воинские состязания и показательные рыцарские бои.

С радостью встретились и двое друзей — сэры Ричард Лорэл и сэры Патрик Эллиот. И пусть между ними была разница в возрасте в целых десять лет, а отношения сложились далеко не сразу, уже многие годы их связывала крепкая дружба, и они готовы были прийти друг другу на помощь по первому зову.

— Знаешь, Патрик, отец очень беспокоится за будущее Генриха, — заговорил с другом сэры Ричард, когда немного улеглась суматоха первой встречи, — ему хочется, чтобы мальчик получил как можно больше знаний и опыта в воинском деле. И он считает, что у тебя в Денвент-Касле можно было бы многому научиться. Я тоже так думаю. Что скажешь?

— Мне, конечно, лестно, что барон Кевин и ты так высоко цените мастерство моих воинов, — улыбнулся сэры Патрик, — но важнее всего то, что у

нас всегда можно найти случай, чтобы повоювать. Как и у Фрэнсиса на востоке. И я с большим удовольствием приму Генриха, как только он пожелает ко мне приехать.

— Отец хочет собрать ему хороший отряд из молодых отважных воинов, — продолжил свою мысль сэр Лорэл. — Он уже нашёл несколько человек у нас, в Лейк-Касле. Возможно, у Алекса Макдоналда и у Коннора Кэмпбелла найдётся по паре человек, желающих пойти с Генрихом на юг, может быть и у де Моррена в Давтоне.

— Я, разумеется, приму их всех. Это же замечательно, Ричард. А Генрих что, собирается на юг?

— Это его давняя мечта, Патрик, и отец его поддерживает. Но сказал, что отпустит его только тогда, когда у мальчика будет отличный боевой отряд, и не иначе.

— Барон Кевин исключительно умный мужчина, Ричард, и отменный воин. Мне рассказывал мой отец, какие чудеса он творил в детстве, когда обучался воинскому мастерству. Он спешил отомстить за гибель отца и рвался в обучении вперёд так, что его было не остановить. И ведь добился своего.

— Он и сейчас сильный воин, Патрик, но здоровье стало подводить его, — Ричард нахмурился и потемнел лицом. — Ему уже

перевалило за пятьдесят пять, всё же. И последнее время у него случаются боли в ногах настолько сильные, что ему трудно ходить, не то что ездить верхом. Вот и сейчас его скрутило буквально перед самой поездкой. Он страшно огорчился этим. И Нада осталась с ним. Как ни любит она своего сына, но отец ей всегда был дорог. Да и он любит дочь. А Генриха он ведь на ноги поставил. Они очень привязаны друг к другу, дед и внук.

— Да, Генрих у вас вырос замечательным парнем. Завтра посмотрим, что он уже умеет как воин.

Сэр Ричард только улыбнулся в ответ — на что способен его племянник, он знал очень хорошо.

Глава 2

Торжественное событие состоялось следующим утром в большом зале Уинстона. Присутствовали все домочадцы графа и гости, на лицах их читалось волнение. Оба мальчика были бледны и напряжены, и оба горели желанием выложить все силы, чтобы доказать — они готовы с честью нести по жизни высокое звание рыцаря.

Граф Лоренс был суров и требователен. Он задавал мальчикам вопросы о рыцарской чести и достоинстве, внимательно выслушивая ответы. Оба кузена оказались хорошо подготовленными — сэр

Стэнтон уже давно готовил сына к этим испытаниям, а в замке Лейк-Касл Генрих имел двух отличных учителей сразу. И несколько опытных воинов старательно обучали его тому, что знали и умели сами.

Наконец, подошёл самый важный момент. Генрих приблизился к графу первым, поскольку был старшим. Следом за ним шёл Майкл, бледный от волнения. Он нёс меч, который сейчас будет торжественно вручён его другу и господину. А сам Майкл становился теперь оруженосцем и весьма этим гордился. Генрих преклонил колено перед графом Хьюбертом, и тот, коснувшись своим мечом его плеча, проговорил принятую формулу. Затем Генрих поднялся, и граф собственноручно опоясал молодого рыцаря его мечом, к которому мальчик прикоснулся губами. Всё! С этой минуты он — рыцарь. И теперь должен всегда помнить об этой высокой чести и строго блюсти законы рыцарства.

Генрих сильно волновался и действительно плохо запомнил, как всё произошло, осталось только очень сильное ощущение радости и гордости. «Отец мною бы гордился, если бы мог видеть меня сейчас», — думал он. Но рядом был любящий дядюшка, который впитывал в себя всё происходящее, хотя глаза его в самый важный момент заволкло туманом слёз. «Вот и всё, — думал он, — наш мальчик стал взрослым».

После так же торжественно был возведен в рыцарское достоинство и Уильям Стэнтон. Его отец сиял счастливыми глазами, а леди Дебора плакала, не скрывая слёз. Подумать только, её мальчик уже не ребёнок, он стал взрослым, он — рыцарь. И леди Дебора с благодарностью взглянула на мужа. Все эти годы он был ей замечательным супругом, любящим и страстным, и он хорошо воспитал обоих их сыновей. Какое счастье, что судьба вновь столкнула их после той глупости, которую она сотворила когда-то в молодости. Не удержалась от слёз и леди Алисия. Жаль, как жаль, что её любимый супруг, по которому она так тосковала, не видит их старшего внука. Он бы гордился им.

После торжественной церемонии в замке родственники и домочадцы вышли на открытое поле, где было всё подготовлено для воинских состязаний и боёв. Это место было хорошо памятно старшему поколению из присутствующих семейств — ведь именно здесь устроил рыцарский турнир в честь свадьбы своей дочери граф Уильям Хьюберт. Теперь сын восстановил всё в прежнем виде.

Первой частью состязаний была стрельба из лука. Участвовали новопосвящённые рыцари и молодые воины из всех трёх замков. Зрители затаили дыхание. Зрелище было красивое. Воины стреляли быстро и метко. Стрелы ложились в цель

нешироким веером. И только молодой Лорэл сумел положить все десять стрел почти в одну точку.

А потом граф предложил парные бои на мечах. Каждый из молодых рыцарей, только что надевший шпоры, должен был сразиться с тремя воинами, которых отобрал граф. И здесь тоже было на что посмотреть. Оба мальчика сражались отлично, показав прекрасную выучку, силу руки и стойкость. Граф был чрезвычайно доволен своими племянниками, а родственники — откровенно счастливы.

— Не так и долго придётся обучаться Генриху, друг мой, — заметил сэр Патрик, обращаясь к старшему рыцарю Лорэлу, — у него хорошо поставлена рука, и сила уже видна. Отличный воин!

— Это так, — сэр Ричард блеснул довольными глазами, — и он ещё прекрасный наездник, к тому же. Но усваивать новые умения воину никогда не бывает лишним. И потом, не забудь, ему нужен ещё хороший отряд, и нужен опыт.

— Согласен, — сэр Патрик улыбнулся. — Отряд мы ему сделаем, и я думаю, там обязательно будет несколько шотландцев. А за опытом милости прошу в наши беспокойные края.

Этот день, такой памятный для тех, кого сегодня посвятили в рыцари, и тех, кто переживал

за них, прошёл очень хорошо и закончился весёлым праздником в большом зале замка.

А на следующий день все разъезжались по своим владениям. Казалось бы, времени было совсем мало, но молодой лорд Оливер Грей сумел не только разглядеть, насколько хороша приёмная дочь сэра Эллиота, но и переброситься с ней нежными взглядами — он явно произвёл на девушку благоприятное впечатление. А сэр Алекс Эллиот, к собственному удивлению, пришёл к выводу, что малышка Алисия, хоть ей и всего тринадцать, заслуживает серьёзного внимания с его стороны. Теперь молодые люди с нетерпением станут ожидать новых событий в Уинстоне, чтобы встретиться вновь.

Рыцари Лорэлы, старший и младший, двинулись в свои края. Генриху не терпелось рассказать деду, как всё было, и дать ему клятву, что он, став настоящим рыцарем, никогда не посрамит честь Лорэлов и память своего отца.

Лейк-Касл встретил нового рыцаря Лорэла громкими приветственными криками и грандиозным праздником в большом зале, куда были приглашены все воины, кроме тех, что несли дозор на стенах замка. Барон Кевин сиял от гордости за внука — сын успел рассказать ему всё, что произошло в Уинстоне, во всех подробностях. Нада не могла насмотреться на своего сразу

повзрослевшего мальчика. Ей было и радостно, и тревожно. Она понимала, что её сын вырос и скоро его будет не удержать под крылом деда. Бабушка Элис тайком утирала слёзы — как быстро летит время, вот уже и птенец Генрих оперился, скоро захочет летать в широких просторах.

Когда утихли волнения по поводу происшедших важных событий, дед и внук снова устроились в покоях леди Нады и продолжили начатый несколько дней назад разговор.

— А теперь, Генри, мой мальчик, когда ты по-настоящему стал взрослым, я расскажу тебе всё, что знаю о нашем короле, твоём дяде, и о том, как я вижу сегодняшнюю обстановку в нашей стране, — сказал барон Кевин своему внуку, новоиспеченному рыцарю, принявшему герб и девиз деда.

Барон удобно устроился в кресле, убедился, что и внуку вполне комфортно рядом с ним, и начал свой рассказ:

— Твой дядя Джон был любимым сыном своего отца, короля Генриха Плантагенета. Хотя их мать, королева Алиенора, всегда любила больше других своих детей Ричарда, твоего отца. Безземельным Джона назвали напрасно. Да, он не получил, как другие братья, земель на континенте, но в Англии ему достались немалые владения, и ещё ему была дарована Ирландия. То, что он не

сумел совладать с этим островом — его вина. Не надо было дразнить и оскорблять ирландских вельмож и позволять своим прихвостням издеваться над ними. Когда же после смерти отца на престол взошёл Ричард, Иоанн получил от брата подтверждение на владение своими английскими землями и ещё расширил их, удачно женившись на наследнице графства Глостер. Однако впоследствии, заполучив корону, он возжелал большего. Недолго думая, Джон развёлся с супругой, сославшись на близкое родство — обычный повод для того, чтобы распрощаться со ставшей неуютной женщиной. Наследника она ему не родила, поэтому и шума особого по этому поводу не было.

Возмущало другое. Поведение принца Джона в отсутствие брата, сражавшегося в Святой Земле, приняло недопустимые формы. Он поднял мятеж в стране и попытался свергнуть оставленного Ричардом юстициария Уильяма Лонгчампа. Не вышло. А когда брат попал в плен, Джон радостно потирал руки. Открыто просил императора Генриха как можно дольше удерживать за толстыми стенами потерявшего свободу монарха Англии, быстренько заключил союз с французским королём Филиппом и попытался захватить трон. Опять не получилось. Вернувшийся из плена Ричард был очень зол на брата и расправился с ним сурово — изгнал из

страны и лишил всех владений. Позднее Джон, изобразив раскаяние, выпросил у брата прощение. Это он умел всегда. А король Ричард никогда не был злопамятным и имел благородное сердце.

Барон умолк, глубоко задумавшись о чём-то, потом спохватился и продолжил.

— Говорят, если человек непорядочен, то уж во всём. К нашему королю это относится в полной мере. Особенно возмущает его отношение к женщинам. Плантагенеты все как один сильные и очень активные мужчины, но Джон перещеголял всех. Он не просто похотлив, но ещё и развратен. Если ему приглянулась женщина, ускользнуть от него не может ни одна, будь она хоть дочь, хоть жена любого барона. Говорят, что бастардов у него так много, что он даже не знает их всех по именам. А родившие их женщины предпочитают уйти в тень и не выставлять напоказ своей связи с королем, поскольку гордиться тут нечем. Свою вторую жену, красавицу Изабеллу Ангулемскую он вообще похитил из-под венца — просто не отдал законному жениху, воспользовавшись своим правом сюзерена. А теперь сторожит её, как злой пёс овечку. Направо и налево казнит лютой смертью любого, кто осмелится взглянуть на королеву мужским взглядом.

Генрих слушал деда, широко раскрыв глаза. Тот усмехнулся и повёл свой рассказ дальше.

— Всё бы ещё ничего, но и в управлении страной король Джон очень слаб. Не говоря уже о том, что вообще трусоват и полководческих талантов отца не унаследовал. Если берётся воевать, то плохо у него получается побеждать. За что и называют его потихоньку «король — Мягкий Меч».

После смерти Ричарда наши бароны предпочли своего английского принца. Однако очень скоро они стали сожалеть о своём выборе. Король лжив и изворотлив, и очень жесток. Попасть к нему в плен смертельно опасно. И сторонников у короля становится сейчас всё меньше. Он неудачно воевал на континенте и потерял сперва замок Шато-Гайяр, который с такой любовью возвёл твой отец. Потом французы взяли Руан, а за ним и вообще почти все владения английской короны, которые отвоёвывал ещё Великий Вильгельм, потом твой дед Генрих Плантагенет, и за которые отчаянно сражался твой отец. Стыдно сказать, но английское королевство потеряло Нормандию, Мэн, Анжу, часть Пуату и Турень. И всё по вине этого злополучного короля. Мало того, он ещё навлёк на нашу страну интердикт от Иннокентия 111. А теперь Папа отлучил от церкви его самого и, можно сказать, низложил короля, во всяком случае, бароны вправе не подчиняться ему, что и делают с превеликим

удовольствием. И чем это кончится, один Господь ведаёт.

Так что сам видишь, мой мальчик, что в такой обстановке нужно быть крайне осторожным и по возможности не попадаться ему на глаза. Особенно тебе. Уж слишком ты похож на своего отца. А наш король Джон вряд ли забудет когда-нибудь своего прославленного в битвах предшественника, короля-победителя, короля-рыцаря, которого боялись враги и любили подданные.

Генрих поднял на деда удивлённые глаза.

— Так что мне, дедушка, теперь надо в норку спрятаться? И спокойно смотреть, как король губит всё, что создал мой дед и за что боролся отец? Недостойно рыцаря прятаться от врагов. А король Джон был врагом моего отца, и значит, он мой враг.

— Я и не думал предлагать тебе трусливую позицию, Генри, мой мальчик, — барон сердито выпрямился в кресле. — За кого ты меня принимаешь?

Не выдержав, он встал и принялся вышагивать по комнате, снимая с себя напряжение непростого разговора.

— Однако, чтобы стать способным сделать что-то серьёзное, нужно иметь реальную силу. У тебя же пока есть меч и шпоры, и большое желание воевать. И всё. Тебе нужны, во-первых, воины — свой хорошо обученный боевой отряд. А это

большая работа, и время, и деньги. Но сделать это нужно, безусловно, нужно. Во-вторых, тебе самому вместе со своим отрядом надо очень многому научиться. А на это потребуются время и терпение. Ведь воин не может позволить себе ошибку в битве, ибо она будет последней в его жизни. Надо научиться не только сражаться и выживать, но и побеждать. Это трудная наука, Генри, но постижимая. К счастью, у тебя есть, где учиться. Граф Хьюберт сам неплохой воин, но его командир гарнизона просто чудеса творит с новобранцами. Доблестного рыцаря Тимоти Эллиота из Денвент-Касла, уже нет в живых. Но я хорошо помню его. Он обладал удивительным чутьём и умением вовремя сконцентрировать силы отряда. Он в своё время хорошо обучил Эванса Льюиса, я думаю, наш командир гарнизона вспомнит науку и поделится ею. Да и сэр Патрик Эллиот, что правит сейчас владением отца, я слышал, отличный воин. Он, конечно, поможет. Не откажут в помощи и наши друзья по ту сторону границы — Кэмпбеллы и Макдоналды. Шотландцы умеют отлично сражаться, и у них есть, чему поучиться. Во всех этих владениях есть и молодые воины, стремящиеся к большим сражениям и славе. Думаю, они пойдут за тобой. Так что работы у нас много, мой юный рыцарь. Очень много.

— Так ты поможешь мне, де? — глаза Генриха сверкнули радостью. — Правда, поможешь?

— Конечно, мой дорогой, — барон улыбнулся и провёл рукой по волосам внука. — Я выпущу тебя в большой мир только тогда, когда увижу, что ты научился воевать и имеешь рядом надёжных воинов, всецело тебе преданных. Так поступили когда-то со мной. Научили и помогли. Я четыре года учился, Генри. Но зато победил. Теперь внуки тех, кто помогал мне, придут на помощь тебе, мой мальчик.

— Спасибо тебе, де! — на глазах Генриха заблестели слёзы. — Мы создадим такой отряд, и он выйдет в большой мир под знаменем Белого Волка.

И после этого началось обучение — самого Генриха и подобранных ему в помощь молодых воинов.

Обучение проходило не только в Лейк-Касле, но и в Уинстоне, и в Денвент-Касле, и в шотландских владениях Алекса Макдоналда и Коннора Кэмбелла. И везде находилось что-то новое, до того неизвестное, что нужно было усвоить и потом намертво закрепить, чтобы это вошло в привычку. Сформировался отряд из молодых воинов, собранных из разных владений, которых объединяло одно — преданность своему